

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)45

УДК 94(47).035=161.1(045)“653”(47)

**Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич - один из воевод
зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики
Новгорода в период его нахождения у должности и организации
новгородского войска в XV в.**

Аннотация: В данной статье впервые специально исследуется политическая судьба новгородского тысяцкого Федора Елисеевича, одного из новгородских воевод зимнего похода новгородцев на Ржеву в 1434/35 гг., история взаимоотношений Новгорода с иными землями, история этой кампании и других, в которых данный тысяцкий принимал участие. Кроме того, автор рассматривает некоторые аспекты военной организации новгородского войска в XV в., и роль местных тысяцких, как военачальников по данным новгородского летописания.

Ключевые слова: Новгород, тысяцкий, XV в, ополчение, полки, дети боярские, Псков, служилые князья, Ганза

Автор: Несин Михаил Александрович. В 2009 г. окончил Исторический факультет Санкт-Петербургского государственного университета. В ноябре 2015 г. окончил аспирантуру на Историческом факультете Гуманитарного института Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. Научные интересы: история средневековой Руси. petergof-history@yandex.ru

Литература, использованная в статье:

Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. – М., 1990.

Янин В.Л. Тысяцкие // Великий Новгород: энциклопедический словарь. — В. Новгород, 2007.

Мартышин О.В. Вольный Новгород. — М., 1992.

Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть II. Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В) // Новгородский исторический сборник. — М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22).

Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть III. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости (Дополнение к Списку В) // Новгородский исторический сборник. — СПб., 2013. — Вып 13 (23).

Несин М.А. Новгородские тысяцкие в 1410-20 гг. // Историческая социально — образовательная мысль. — Краснодар, 2014. — Вып. № 6.

Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков — архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. — Вып. № 14.

Несин М.А. Новгородские тысяцкие в последние десятилетия новгородской независимости

(нач. XV в.-1478) // Новгородика 2015. В печати.

Северинов В.Д. Новгород в период посадничества Михалки Степановича // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. 1997 г. — В. Новгород, 1998. 6 Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961.

Янин В.Л. Средневековый Новгород. — М., 2004.

Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник УДГУ — Ижевск, 2014. — Вып № 3.

Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — М., Л., 1949.

Бассальго Л.А. Несколько сюжетов из книги В.Л. Янина «Новгородские акты XIV-XV вв. // НИС. — СПб., 2010. — Вып. № 10(20).

Казакова Н.А. Из истории сношения Новгорода с Ганзой в XV в. // Исторические Записки. — М., 2009. — Вып. № 28.

Hanserecesse von 1431 -1476. — Leipzig., 1876. — Vol. 1. — № 217.

Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. — М., 2009.

Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах. — СПб., 1870. — № 140.

Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В.А. Кучкина — М., 2005.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009.

Быков А.В. Новгородское войско XI-XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис.

Андреев В.Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989.

Великий Новгород в иностранных сочинениях XV-начала XX века. — М., 2006.

Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 133, 144. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)

Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Журнал «Воин» — 2008. — Вып. № 6.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 470-473. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 46-68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).

Зимин. А.А. Витязь на распутье. — М., 1990.

Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства в времена удельно — вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). — М., 1994.

Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, обществ и повседневная жизнь в XV-XVII вв. — Псков, 2004.

Мусин А.Е. Церковь и горожане Средневекового Пскова: историко — археологическое исследование — СПб., 2010.

Несин М.А. Купечеств вечевого Новгорода XII-XV вв. по данным письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. №11.

Несин М.А. Галицкое вече в событиях 1187–1188 г. // Русин: Международный исторический журнал. — Кишинев, 2009. — Вып. № 3 (17). — С. 35-36.

Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. — Кишинев, 2010. — Вып. № 1 (19).

- Несин М.А. К истории происхождения Галича // Русин. — Кишинев, 2010. — Вып. № 3 (21).
- Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1229 гг. // Русин. — Кишинев, 2011. — Вып. № 2 (24).
- Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1235-1240-х гг. // Русин. — Кишинев, 2012. — Вып. № 4 (30).
- Несин М.А. Некоторые черты социальной трансформации и в X-XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20-21 ноября 2012 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов. — Ижевск, 2012.
- Несин М.А. Галицкое вече и Роман Галицкий // Русин. — 2013. — Вып. № 2 (32).
- Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV-XVII вв. — Ч. I. — С. 8-9. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).
- Несин М.А. Социальная организация Новгородского веча // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17 — 18 ноября 2011 / составитель В.Ф. Андреев. — В. Новгород, 2013.
- Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. — СПб., 2001.
- Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014.
- Кучкин В.А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 1997. — Т. 50.
- Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. — М., Л., 1952. — № 216.
- Рабинович М.Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII-XV вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — М., 1949. — Вып. № 30.
- Селиверстов Д.А. Русь и Орда. Рубеж XIV-XV веков. Военно-политическое положение в Восточной Европе в конце XIV века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 56. <http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1> (17.07.2015).
- Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008.
- Карамзин М.Н. История государства Российского. — М., 2003.
- Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6

Ссылка для печатных изданий:

Несин М.А. Новгородский тысяцкий Федор Елисеевич – один из воевод зимнего похода на Ржеву 1435/1436 гг.: к истории внешней политики Новгорода в период его нахождения у должности и организации новгородского войска в XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015)

Nesin M. A thousand-man Chief Feodor Eliseevich – one of the Novgorod's war-lords during the 1435/36 Rzhev winter campaign as a leading character of the Novgorod's foreign policy and troop's organizer in the XV century

Summary: The article probes political career of a thousand-man Chief Feodor Eliseevich, one of the Novgorod's war-lords during the 1435-36 winter campaign Rzhev. Using local chronicles, the author also discusses Novgorod's foreign policy, analyzes certain aspects of the Novgorod's military organization and role of a military leadership in local thousand-man chiefs

Keywords: Novgorod, a thousand-man Chief; fifteenth century, militia, regiments, boyars' servicemen, Pskov, war-lord princes, Hanseatic League

Author: Nesin Mikhail. In 2009 he graduated from the faculty of History of the St. Petersburg State University with a degree in history. Currently he is a postgraduate student at the Novgorod State University named after Yaroslav the Wise. Research interests: history of the Medieval Russia until Moscow time, Russian troops tactics, social history and historical topography.

petergof-history@yandex.ru

References:

Janin V.L. Novgorodskie akty XII-XV vv. Hronologicheskij kommentarij [Novgorod acts of the XII-XV centuries. A Chronological review.]. – M., 1990.

Janin V.L. Tysjackie [Tysjackie] // Velikij Novgorod: jenciklopedicheskij slovar'. — V. Novgorod, 2007.

Martyshin O.V. Vol'nij Novgorod [Free Novgorod]. — M., 1992.

Bassalygo L.A. Novgorodskie tysjackie [Novgorod tysjackie]. Chast' II. Tysjackoe s serediny XIV do vtoroj chetverti XV veka (vtoraja chast' Spiska V) // Novgorodskij istoricheskij sbornik. — M.; SPb., 2011. Vyp. 12 (22).

Bassalygo L.A. Novgorodskie tysjackie [Novgorod tysjackie]. Chast' III. Tysjackoe so vtoroj chetverti XV veka do konca novgorodskoj nezavisimosti (Dopolnenie k Spisku V) // Novgorodskij istoricheskij sbornik. — SPb., 2013. — Vyp 13 (23).

Nesin M.A. Novgorodskie tysjackie v 1410-20 gg. [Novgorod tysjackie in 1410-20] // Istoricheskaja social'no — obrazovatel'naja mysl'. — Krasnodar, 2014. — Vyp. № 6.

Nesin M.A. Razvitie instituta novgorodskih tysjackih v XIV-XV vv. po dannym novgorodskih pis'mennyh istochnikov [The development of the Institute tysiatskiis Novgorod in the XIV-XV centuries Novgorod according to written sources]. // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problema sohraneniya i nauchnogo ispol'zovanija: materialy 14 nauchnoj konferencii istorikov — arhivistov 22 maja 2014 g. — V. Novgorod, 2015. — Vyp. № 14.

Nesin M.A. Novgorodskie tysjackie v poslednie desjatiletija novgorodskoj nezavisimosti (nach. XV v.-1478) [Novgorod tysjackie in recent decades the independence of Novgorod (early XV century-1478)] // Novgorodika 2015. V pečati.

Severinov V.D. Novgorod v period posadnichestva Mihalki Stepanovicha [Novgorod in the period of Michaska Stepanovich] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli. 1997 g. — V. Novgorod, 1998. 6 Bernadskij V.N. Novgorod i Novgorodskaja zemlja v XV v. — L., 1961.

Janin V.L. Srednevekovyj Novgorod [Medieval Novgorod]. — M., 2004.

Nesin M.A. Novgorodskie tysjackie v XIV veke [Novgorod tysjackie in XIV century] // Vestnik UDGU — Izhevsk, 2014. — Vyp № 3.

- Janin V.L. Novgorodskie posadniki [Novgorod posadniki] — M., 2003. — M., L., 1949.
- Kazakova N.A. Iz istorii snoshenija Novgoroda s Ganzoju v XV v. [From the history of the relations of Novgorod with the Hanseatic League in the XV century] // Istoricheskie Zapiski. — M., 2009. — Vyp. № 28.
- Hanserecesse von 1431-1476. — Leipzig., 1876. — Vol. 1. — № 217.
- Rybina E.A. Novgorod i Ganza [Novgorod and Hanseatic League]. — M., 2009.
- Gil'debrand G. Otchety o razyskanijah, proizvedennyh v Rizhskom i Revel'skom arhivah [Reports of investigations made in Riga and Reval archives]. — SPb., 1870. — № 140.
- Nesin M.A. The battle of Russa on 3 February 1456: the battlefield and the tactics of Moscow troops [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. V. — P. 103. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- Alekseev Ju.G. Pobeda na Sheloni [Victory at Shelon] // Neischerpaemost' istochnika: K 70-letiju V.A. Kuchkina — M., 2005.
- Alekseev Ju.G. Pohody russkih vojsk pri Ivane III [The campaigns of the Russian army under Ivan III]. — SPb., 2009.
- Bykov A.V. Novgorodskoe vojsko XI-XV vv [The Novgorod troops of the XI-XV centuries.]. — V. Novgorod, 2006. — kan. dis.
- Andreev V.F. Severnyj strazh Rusi [Northern guard Rus]. — L., 1989.
- Velikij Novgorod v inostrannyh sochinenijah XV-nachala XX veka [Novgorod the Great in foreign writings of the XV-beginning of XX century]. — M., 2006.
- Nesin M.A. Voevoda Fedor Vasil'evich Basenok [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — Vol. VII. — P. 133, 144. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)
- Seliverstov D.A. Russkij Azenkur [Russian Azenkur] // Zhurnal «Voin» — 2008. — Vyp. № 6.
- Nesin M.A. Shelonskaya battle 14 July 1471: the tactics of Moscow troops and the participation of the Tatars [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. IV. — P. 470-473. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- Nesin M.A. Battle between Novgorodians and Moscovites on the river Selenge 27 July 1471 [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2014. — Vol. VI. — P. 46-68. <http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).
- Zimin. A.A. Vitjaz' na rasput'e [A knight at the crossroads]. — M., 1990.
- Kostomarov N.I. Russkaja respublika (Severnorusskie narodopravstva v vremena udel'no — vechevogo uklada. Istorija Novgoroda, Pskova i Vjatki) [Russian Republic]. — M., 1994.
- Arakcheev V.A. Srednevekovyj Pskov: vlast', obshhestvo i povsednevnaia zhizn' v XV-XVII vv. [Medieval Pskov: power, societies and everyday life in XV-XVII centuries.] — Pskov, 2004.
- Musin A.E. Cerkov' i gorozhane Srednevekovogo Pskova: istoriko — arheologicheskoe issledovanie [The Church and the townspeople of Medieval Pskov]. — SPb., 2010.
- Nesin M.A. Kupechestvo vechevogo Novgoroda XII-XV vv. po dannym pis'mennyh istochnikov [Merchants of Novgorod in XII-XV centuries] // Dokumental'noe nasledie Novgoroda i Novgorodskoj zemli. Problemy sohraneniia i nauchnogo ispol'zovanija. — V. Novgorod, 2012. — Vyp. №11.
- Nesin M.A. Galickoe veche v sobytijah 1187–1188 g. [The Galician veche in 1187-1188] // Rusin: Mezhdunarodnyj istoricheskij zhurnal. — Kishinev, 2009. — Vyp. № 3 (17). — S. 35-36.
- Nesin M.A. Galickoe veche pri Jaroslave Osmomysle [The Galician veche under Jaroslave Osmomysle] // Rusin. — Kishinev, 2010. — Vyp. № 1 (19).
- Nesin M.A. K istorii proishozhdenija Galicha [The history of origin of Galicia] // Rusin. — Kishinev, 2010. — Vyp. № 3 (21).

Nesin M.A. Galickoe veche i Daniil Galickij v 1205–1229 gg. [The Galician veche and Daniil Galickij in 1205–1229] // Rusin. — Kishinev, 2011. — Vyp. № 2 (24).

Nesin M.A. Galickoe veche i Daniil Galickij v 1235-1240-h gg. [The Galician veche and Daniil Galickij in 1235-1240] // Rusin. — Kishinev, 2012. — Vyp. № 4 (30).

Nesin M.A. Nekotorye cherty social'noj transformacii i v X-XI vv. v vostochnoslavjanskom obshhestve v letopisnoj social'noj terminologii [Some of the characteristics of social transformation in the X-XI centuries in East Slavic society as a chronicle of social terminology] // Social'naja mobil'nost' v tradicionnyh obshhestvah: istorija i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija professora M.M. Martynovoj i 100-letiju so dnja rozhdenija professora B.G. Pljushhevskogo. Izhevsk, 20-21 nojabrja 2012 g. / otv. red. i sost. V.V. Puzanov. — Izhevsk, 2012.

Nesin M.A. Galickoe veche i Roman Galickij [The Galician veche and Roman Galickij] // Rusin. — 2013. — Vyp. № 2 (32).

Nesin M.A. The struggle for Smolensk in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — Special issue IV. Smolensk war of the XV-XVII centuries. — Vol. I. — P. 8-9. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

Nesin M.A. Social'naja organizacija Novgorodskogo vecha [Social organization of the Novgorod Veche] // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: materialy nauchnoj konferencii 17 — 18 nojabrja 2011 / sostavitel' V.F. Andreev. — V. Novgorod, 2013.

Bobrov A.G. Novgorodskie letopisi XV v. [The Novgorod chronicle of the XV century] — SPb., 2001.

Lukin P.V. Novgorodskoe veche [Novgorod veche] — M., 2014.

Kuchkin V.A. O termine «deti bojarskie» v «Zadonshhine» [The term " deti bojarskie " in the "Zadonschina"] // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. — SPb., 1997. — T. 50.

Orlov A.S. Bibliografija russkih nadpisej XI–XV vv. [Bibliography of Russian inscriptions of the XI–XV centuries.] — M., L., 1952. — № 216.

Rabinovich M.G. Voennaja organizacija gorodskih koncov v Novgorode Velikom v XII-XV vv. // Kratkie soobshhenija Instituta istorii material'noj kul'tury [The military organization of the city ends in Novgorod Velikiy in XII-XV centuries.]. — M., 1949. — Vyp. № 30.

Seliverstov D.A. Rus and the Horde. The turn of the XIV-XV centuries. The military-political situation in Eastern Europe in the late XIV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — Special issue V. Great stand on the Ugra river — Vol.I. — P. 56. <http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1> (17.07.2015).

Kuz'mina O.V. Respublika Svjatoj Sofii [The Republic Of Saint Sophia]. — M., 2008.

Karamzin M.N. Istorija gosudarstva Rossijskogo [History of the Russian state]. — M., 2003.

Skrynnikov R.G. Tragedija Novgoroda [The Tragedy of Novgorod]. — M., 1994.

Internet link:

http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6

Reference link:

Nesin M. A thousand-man Chief Feodor Eliseevich – one of the Novgorod's war-lords during the 1435/36 Rzhev winter campaign as a leading character of the Novgorod's foreign policy and troop's organizer in the XV century [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2015. — V. VII. — P. 291-325. <http://www.milhist.info/2015/12/21/nesin_6> (21.12.2015)

**НОВГОРОДСКИЙ ТЫСЯЦКИЙ ФЕДОР ЕЛИСЕЕВИЧ - ОДИН ИЗ
ВОЕВОД ЗИМНЕГО ПОХОДА НА РЖЕВУ 1435/1436 гг.:
К ИСТОРИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НОВГОРОДА В ПЕРИОД ЕГО
НАХОЖДЕНИЯ У ДОЛЖНОСТИ И ОРГАНИЗАЦИИ НОВГОРОДСКОГО
ВОЙСКА В XV в.**

Новгородские тысяцкие в XV в. были вторыми должностными лицами после посадников. Тем не менее, эволюция института тысяцких в этот период и политические судьбы отдельных тысяцких до недавнего времени специально комплексно не исследовались. Впервые концепция об этапах развития этого института в XV в. и периодичности сменяемости тысяцких была создана В. Л. Яниным¹. Некоторые основные выводы исследователя, прежде всего, касающиеся идеи о том, что тысяцкие сменялись через строго определенные интервалы времени, были оспорены О. В. Мартышиным². В последние годы вышел труд Л. А. Бассальго в двух частях о новгородских тысяцких в XV в.³, а также некоторые наши статьи, где рассматриваются эволюция института тысяцких в этот период и политические судьбы отдельных тысяцких⁴.

Новгородские тысяцкие, по справедливому мнению современных исследователей, были одними из главных должностных лиц Новгорода. При этом они специализировались на разрешении тяжб по торговым делам и разрешении всех споров новгородцев с иностранными купцами. У тысяцких был собственный «суд тысяцкого» по торговым и гостиным делам. Изначально они вели его вместе с купеческими старостами, но впоследствии сосредоточили в свои руках.

Данная статья посвящена периоду, когда должность тысяцкого занимал Федор Елисеевич, и представляет собой первый опыт написания персональной политической биографии одного тысяцкого. Надо сказать, что таких работ, посвященных отдельным новгородским магистратам, прежде почти не было.

Лишь в 1999 г. вышла специальная статья о посадничестве новгородского боярина XIII в. Михалки Степановича, современнике Александра Невского⁵. На наш взгляд, эту тенденцию стоит развивать, тем более что герой данной работы — новгородский боярин времен Василия II (которому позднее, кстати, тоже предстоит стать посадником) был также по-своему интересной личностью, раз ему, одному из считанных тысяцких за весь период новгородской истории, была доверена должность воеводы. А на посту тысяцкого — не таком значительном, как посадничество, но тоже очень важном, ему пришлось принимать участие в столь же серьезных делах, как и вышеуказанному посаднику.

О происхождении и дате рождения этого персонажа ничего не известно.

По утверждению В. Н. Бернадского, Федор Елисеевич был не кем иным, как сыном Елисея Константиновича, копорского князя, тоже одно время занимавшего в Новгороде должность тысяцкого⁶. Однако об этом родстве нет никаких сведений. Очевидно, ученый сделал такой вывод на основании отчества Федора. Но из новгородских современников Елисея Константиновича можно назвать, к примеру, боярина Елисея Ананьевича, который с не меньшим основанием, чем копорский князь, мог приходиться отцом Федору Елисеевичу. Более того, родство Федора с князем из Копорья представляется сомнительным: как показал В. Л. Янин, копорские князья происходили не от провинциальной новгородской элиты, а из белозерских Рюриковичей⁷. На рубеже XIV — XV вв. Елисей Константинович занял в Новгороде должность тысяцкого, поскольку тысяцкое в то время не было связано с межкончанским представительством. Но известное с 1370-х гг. коллективное посадничество, наоборот, представляло собой боярскую межрайонную коллегию. Внедрение в его состав человека со стороны, не из среды проживавшего в городских районах-концах местной новгородской элиты, неминуемо создало бы взрывоопасную ситуацию в этом городе, и без того славившемся вечным межрайонным соперничеством⁸.

А вот новгородский тысяцкий Федор Елисеевич в 1440-х гг. уже упоминается в грамотах как посадник⁹. Поэтому логичнее его отнести именно к боярству, а не к захудалой безземельной ветви Рюриковичей, перешедшей в

Новгороде на положение служилых князей. В Псковской I летописи упоминается в качестве новгородского владычного делегата в Псков некий Антип Елисеевич, сын Елисея, Копорского князя (псковский хронист по ошибке назвал его Алексеевичем)¹⁰. Но новгородским посадником этот человек не стал. И о родстве его с тысяцким Федором Елисеевичем нет никаких сведений. Кроме того, В. Л. Янин высказал предположение о тождестве Федора Елисеевича с неким Федором Алексеевичем из духовной Своеземцева середины-второй половины XV в., сохранившейся в позднем списке XVII в.¹¹ Но в настоящий момент эту гипотезу не представляется возможным ни подтвердить, ни опровергнуть.

Неизвестно, когда Федор Елисеевич получил тысяцкое. Но определенно это было не ранее 1430-1433 гг., когда был заключен договор между Новгородом и великим князем московским Василием II при участии предыдущего тысяцкого — Анания Васильевича¹².

Впервые Федор Елисеевич как историческое лицо и как тысяцкий упомянут в договорной грамоте Великого Новгорода с ганзейскими городами о перемирии на два года, составленной в феврале-марте 1434 г.¹³ Тысяцкий был указан в числе должностных лиц республики, принимавших участие в обсуждении договора, а затем скреплявших его вместе с посадником Самсоном Ивановичем печатью Великого Новгорода от имени города¹⁴.

Договор предусматривал взаимное перемирие на два года и обеспечение свободного торгового сообщения для обеих сторон. При этом немцы просили, чтобы их купцы в Новгороде получали исправу по всем обидным делам. Кроме того, они хотели получить гарантию беспрепятственного возвращения для послов от всех ганзейских городов. Послы по истечении срока перемирия должны были прибыть в Новгород для переговоров об обидах немецкому купечеству. И чтобы эта гарантия действовала даже в том случае, если обе стороны не смогли бы между собой прийти к консенсусу.

Н. А. Казакова справедливо писала о том, что с 1426 по 1436 гг. между Новгородом и Ганзой были взаимные конфликты из-за того, что ганзейцы не

хотели давать новгородцам гарантии чистого пути по морю, безопасного от грабительских нападений морских разбойников. Здесь, по мнению исследовательницы, сказывалась не только и не столько реальная неспособность ганзейских городов как-либо существенно противостоять пиратству, сколько нежелание ганзейских купцов способствовать развитию новгородской морской торговли, так как они хотели сохранить за собой монопольное торговое посредничество между Новгородом и Западной Европой¹⁵.

Однако остается неясным, что именно заставило ганзейских послов в 1434 г. прибыть в Новгород, чтобы заключить двухлетнее взаимное перемирие с обоюдной гарантией чистого пути для обеих сторон.

Тем не менее, хорошо известно, что в 1431 г. новгородское немецкое подворье столкнулось с большой проблемой. В написанном в апреле того года донесении в Дерпт проживавшее в Новгороде немецкое купечество жаловалось на беды из-за воды, которая из-за дня в день заболачивается из-за отсутствия стока. Купцы просили Дерптский магистрат посодействовать в проведении сточной трубы от храма, ссылаясь на собственное безденежье. Они писали, что уже говорили со старостами улицы, и те, как им кажется, хотят ходатайствовать перед Новгородом. При этом торговцы призывали магистрат принять меры скорее, иначе расходы возрастут¹⁶ (по мнению Е. А. Рыбиной — взятки новгородцам¹⁷, но не исключено, что подразумевалось и приведение в порядок двора, пострадавшего от потопа). Симптоматично время написания письма — период весенней распутицы. Видимо, в это время вода и залила подворье.

Местность, на которой располагался Немецкий двор, имела небольшой уклон в сторону берега, поэтому вода там могла весной образоваться как по естественным причинам, так и из-за того, что проживавшие на более высоких местах к востоку от немецкой конторы новгородцы, устроили дренажные стоки со своих дворов в сторону Волхова.

Описанная жившими на этом дворе немецкими купцами несколько неопределенная позиция новгородских уличанских старост имела веские

причины.

Новгородцы, как видно, не считали целесообразным выводить через свою городскую территорию сток в сторону Волхова.

В 1435 и 1436 гг. прибывавшие в город ганзейские купцы дважды поднимали вопрос об устройстве этой трубы¹⁸. Но до заключения перемирия в 1436 г. «по старине» новгородцы так и не давали положительного ответа. Лишь согласно документу 1437 г. они дали согласие на проведение стока, но при условии, что их купцам, в свою очередь, будет разрешено сделать на своем подворье в Ревеле выход из храма на улицу¹⁹. Как отметила Е. А. Рыбина, в 1438 г. над прокладкой трубы работал присланный из Дерпта мастер²⁰.

Учитывая наличие в городе мощных глинистых слоев (из-за которых, к примеру, в старину новгородцы не рыли колодцев, а современным археологам приходится ежегодно откачивать из раскопов по весне обильную застоявшуюся воду), можно себе представить, каким бедствием без наличия сточной системы стало для жителей немецкого двора скопление на нем воды, которая могла вдобавок прибывать и в последующие весны, и в периоды осенних распутиц. (Кроме того, зимой это болото замерзало, а весной таяло, что дополнительно могло способствовать обветшанию подворья). А при том, что строения на нем были из дерева, это в самые ближайшие годы грозило серьезным ущербом, ставившим под вопрос, возможно, саму перспективу функционирования в городе ганзейской конторы (учитывая, что в те годы у нее и так дела шли очень неважно, раз уж она не могла себе позволить провести трубу за свой счет).

Поскольку ганзейцы привыкли покупать у новгородцев меха, мед, воск (свечи и мантии в Европе делались, в основном, из русского сырья), то для них такая перспектива была крайне нежелательной. Может быть, в 1434 г., пообещав новгородцам на двухлетний срок временного перемирия чистый путь по морю, купцы рассчитывали как-то задобрить их, чтобы они, наконец, позволили им провести трубу к Волхову? В этой связи становится ясным, почему в условиях этого договора проведение трубы не значится, но в 1435 и 1436 гг. они уже стали настойчив просить от новгородской стороны разрешения на ее прокладку.

А новгородцы, в свою очередь, не спешили давать согласие, желая выбить из своих торговых партнеров гарантию чистого пути для своих купцов и иные выгоды (вроде тех требований к товарам, которые они в ходе переговоров безуспешно предъявляли в 1436 г.). Кстати, даже при заключении мира в 1436 г. новгородцы так и не подписали официальное разрешение на прокладку трубы, и лишь некоторое время спустя дали его, потребовав взамен предоставить им прав сделать выход на улицу из их храма в Таллине.

Таким образом, заключенный по инициативе ганзейских купцов новгородский договор с ганзой 1434 г., в составлении которого с новгородской стороны принял участие тысяцкий Федор Елисеевич, был, вероятно, прямым следствием возникшей за три года до этого на немецком подворье аварийной ситуации и несогласия новгородцев на ее устранение.

Кроме того, тысяцкий, видимо, принял участие в общегородском шантаже Василия II.

20 марта, в «Лазареву субботу», в сражении под Ростовом на р. Мозгве он потерпел сокрушительное поражение от князя Юрия Дмитриевича, потерял великое княжение и с остатками войска примчался в Новгород искать убежища и, вероятно, военной помощи. По данным новгородского летописания, в Новгород он прибыл 1 апреля²¹, согласно псковскому — 31 марта, в среду на Святой неделе²². Правильнее было бы отдать предпочтение новгородской датировке, поскольку новгородцы должны были лучше знать, когда к ним приезжал князь, но, как мы увидим ниже, в данном погодном известии Новгородского летописания имеются некоторые противоречия в датировании, что заставляет отнестись с некоторой осторожностью и к другим его датам. Князь остановился на пригородном княжеском подворье, на Городище, выше города по течению р. Волхов. Городище представляло собой прибрежный не затопляемый холм, а от города его отделяли открытые заливные луга. На 3, или на 5 день приезда князя на этих лугах его ожидала неприятная неожиданность. Согласно памятникам новгородского летописания XV в., 5 апреля на Святой неделе «Весь Великий Новгород»²³ «выиха» «ратью на поле» к Желотугу —

ручью, пересекавшему пойму недалеко от Городища. (Не случайно в некоторых поздних списках Новгородской IV летописи — Новороссийском и Никольского - сообщается, что новгородцы встали у Желотуга против Городища или просто у Городища). Но поскольку 5 апреля приходилось в том году уже на следующую, Фомину неделю, вероятно, более верная датировка этого инцидента указана в списке Никольского Новгородской IV летописи — 3 апреля²⁴. 3 апреля выпадало на субботу Святой недели. Поскольку новгородцы выехали «выиха» к Желотугу, то, надо полагать, они все были на конях, как в 1456 г., в время военного конфликта с тем же самым великим князем²⁵. По мнению Ю. Г. Алексева, значительную часть новгородского ополчения в XV в. обычно составляла пехота²⁶. А. В. Быков полагает, что в XV в. основная часть новгородского войска традиционно выступала конной, за исключением судовых ратей, состоящих из самых малообеспеченных ополченцев)²⁷. Однако в сообщении Ермолинской летописи об общегородском ночном пришествии вооруженных новгородцев к Городищу в 1460 г. говорится, что они «приидоша»²⁸ (что можно понимать, как несколько образный оборот — конь идет, поезд идет, либо как буквальную констатацию их пешего перемещения). Также пока не вполне понятно, как читать несколько смутный и дискуссионный кусок новгородского летописного рассказа о Шелонской битве (об этом подробнее ниже): куда именно не успели в оговоренный срок на пособие пехоте бояре из владычной элитной коневой рати — под Русу, или на Шелонь?²⁹ Если на Шелонь, то тогда в Шелонской битве с новгородской стороны участвовала пехота.

Но как бы то ни было, в 1434 г. новгородцы, надо полагать, прибыли на Желотуг на конях.

Князь в то время пребывал на Городище с жалкими остатками воинства и поэтому «не бысть Новгородцем ничтоже». Надо иметь в виду, что новгородцы в данном случае, по-видимому, не мобилизовали жителей волости. Как будет видно ниже, это выступление носило весьма провокационный характер, и новгородцы явно не были заинтересованы в том, чтобы на Городище заранее видели какие-то приготовления и знали о перемещении по волости

вооруженных отрядов. К сожалению, у нас нет надежных прямых свидетельств о количестве новгородской рати. Иногда ученые высказывают предположение о том, что городское ополчение составляло 5-10 тысяч человек, основываясь, в основном, на популярных в науке приблизительных оценках общего количества новгородского населения в 20-30 тыс. человек³⁰. Но поскольку точных данных о количестве жителей в Новгороде нет, то эти подсчеты довольно условны. Следует также с большой осторожностью отнестись и к сообщению Ж. Ланноа о 40-тысячной новгородской коннице. Ведь этот фламандский путешественник не знал русского языка, общался в Новгороде только с местными высшими должностными лицами, и, вероятно, с их слов записал заведомо преувеличенные данные о размерах боярских вотчин³¹. К тому же, в его записках имеется совершенно фантастический сюжет про то, что когда он кипятил воду на улице, вода в горшке одновременно снизу кипела, а сверху замерзла. Думается, он и у его соотечественников-фламандцев не всегда мог вызвать доверие — они все-таки знали снежные, ледяные зимы и понимали, что воде внутри одного и того же горшка не свойственно и кипеть и замерзать одновременно. Но такая метафора, конечно, ярко подчеркивала особенность суровой русской зимы. Не мог ли Ланноа столь же поэтично приукрасить многочисленность новгородской рати?

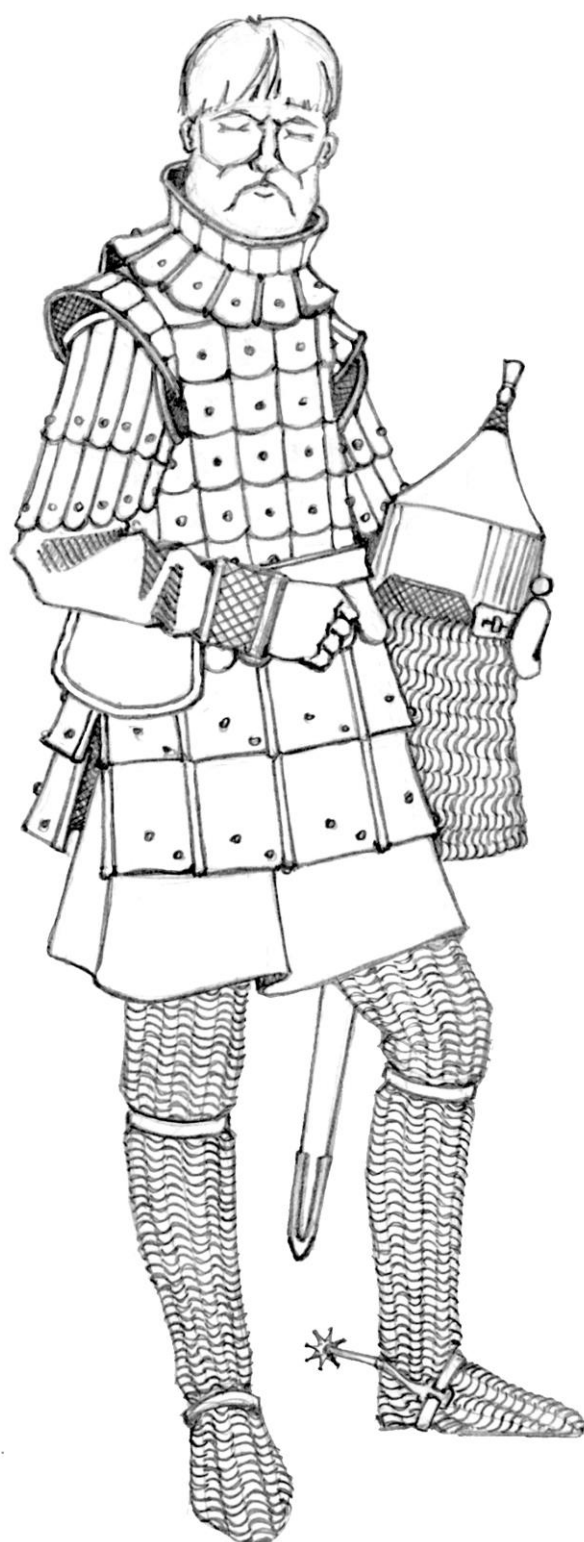
Однако в русских летописях содержатся косвенные данные о численности новгородского войска в XV в. К примеру, в зимнем сражении под Русой новгородский отряд под командованием Гребенки-Шуйского с учетом нескольких сот дворян служилого князя составлял 5000 человек из бояр, житых и молодых людей — черных людей и купцов³². При этом, в его состав вошла меньшая часть городского ополчения — не дошедший до Русы отряд Чарторыйского включал в себя большее число новгородцев³³. Следовательно, всего новгородских ополченцев было не меньше, а, по-видимому, больше 10 000. Отметим, что, как и в апреле 1434 г., новгородцы, безусловно, обходились городскими силами, не собирая ополчения с волости. Об этом свидетельствует быстрота их мобилизации: 2 февраля они получили известие о приближении

неприятеля к Русе, и в тот же день, после обедни, отряд Гребенки-Шуйского уже выступил из города (второй отряд вышел позднее, но ненамного, по плану он также должен был прибыть к ночи в Взвяд, проехав более 50 км от Новгорода)³⁴.

А в летней Шелонской битве в 1471 г. 4-5-тысячному войску³⁵ москвичей противостояло значительно превышавшее их по численности новгородское ополчение (при том, что новгородцы уже выделили в Приильменье 2 судовых рати и отправили на Двину судовую рать из городских бандитов-«шильников»)³⁶. Современные исследователи, как правило, скептически относятся к сведениям о 40-тысячной численности новгородцев на Шелони³⁷ (тем более, что противоречивые данные не то о 10, не то о 30, не то о 40 тысячах были взяты со слов самих новгородцев). Но все равно их было значительно больше, чем москвичей. Едва ли их насчитывалось менее 8 тысяч. А если прибавить к этому недавно разбитые на голову теми же московскими полками две судовых рати в Приильменье, меньшая из которых на Коростыни потеряла 500 человек убитыми, а, кроме того, какую-то часть городских шильников, находившихся в то лето на Двине, то получается, что и в том году Новгород в общей сложности выставил не менее, а то и более 10 000 ратников.

Заметим, что новгородцы, по-видимому, тоже не брали с собой в поход волощан: недалеко от города, на Мсте, разоряла земли колонна И. Стриги-Оболенского, и движение в город областных ополченцев могло привлечь ее внимание. Великокняжеский хронист вполне резонно раскрывает городской состав новгородского войска в знаменитом сообщении о мобилизации на Шелонь представителей всех свободных светских слоев горожан от бояр-посадников до гончаров, плотников и иных мастеров - «мастырей»³⁸.

Соответственно, когда 3 или 5 апреля 1434 г. новгородцы устроили общегородскую (или, по крайней мере, достаточно многочисленную) вооруженную демонстрацию перед Желотугом, они, очевидно, имели возможность собраться в составе около 10 тысяч человек, а то и больше.

Богатый новгородский ополченец XV в.

Рис. Красникова А.В., 2015 г.

Князю, впрочем, как и его людям, новгородцы ничего худого не сделали. Роль в этой акции руководителей Новгорода — степенных посадника и тысяцкого - новгородский летописец не раскрывает, но едва ли тысяцкий Федор Елисеевич, занимавший один из высших постов в государстве, остался к этому непричастен.

Иногда предполагают, что они в угоду занявшему Москву Юрию Звенигородскому хотели выпроводить Василия³⁹. Но тот пожил там еще более двух недель, отбив в сторону Москвы по псковским данным 23 апреля, а по новгородским — 26 числа⁴⁰. Однако смысл новгородского вооруженного выступления становится ясным из сообщений того же новгородского летописания. Полтора года спустя, зимой 1435/36 г., Василий, уже вновь утвердившийся в Москве на княжении, целовал новгородцам крест на том, что оступится от старинных новгородских владений на Бежецком Верху, а также в Волоколамской и Вологодской округах. Это обещание было изначально нечестным, ведь Бежецкий верх с 1433 г. был им передан сыну Юрия Звенигородского Дмитрию Красному, а осенью 1434 г., вернув себе московский стол, Василий вновь подтвердил это пожалование, так как Дмитрий выступил в качестве его союзника в борьбе за великое княжение. Впрочем, новгородцы, утратившие Бежецкий верх (район нынешнего города Бежецк Тверской обл.) несколько десятилетий назад, как видно, не знали всех последних перемен и не заподозрили подвоха. На Петров день, летом 1436 г., Василий пообещал прислать на размежевание земель своих бояр, а новгородцев просил послать своих. Но летом, ослепив своего врага Василия Косого, он почувствовал себя уверено на великом княжении и уклонился от своего обещания, цинично заставив прождать новгородских послов попусту в условленных местах⁴¹.

Таким образом, новгородцы, включая тысяцкого Федора Елисеевича, устроив общегородское вооруженное выступление в поле перед Городищем, вымогали у беззащитного князя обещание в случае своей победы отдать Новгороду его исконные земли. Тот потом, вокняжившись в Москве, безропотно скрепил его крестоцелованием. Но, разделавшись с Василием Косым, и

лишившись на время серьезных соперников в борьбе за великое княжение, он почувствовал себя увереннее и нарушил обязательство⁴².

Следующий раз тысяцкий Федор Елисеевич вместе с тем же самым посадником Самсоном Ивановичем и архиепископом Евфимием II упоминаются в июле того же 1434 г. в псковском летописании.

Новгород с Псковом в последние годы находились в размирье. Очевидно, оно длилось с конца 1420-х гг., когда обе стороны отказали друг другу в военной помощи при нападении неприятелей⁴³. Но в начале 1430-х гг. псковичи не раз присылали в Новгород своих послов с предложением перемирия, а новгородцы неизменно отказывали, хотя и не объявляли войны. Последний такой инцидент произошел уже зимой 1433/34 гг. Но летом 1434 г. новгородцы изменили свою политику и согласились на мир⁴⁴.

Не исключено, что после того как новгородцы весной дали убежище Василию II, оказавшись в той или иной степени косвенно втянутыми в междоусобную борьбу северо-восточных князей, они почувствовали себя все-таки несколько настороженно и готовы были заключить мир со своим меньшим братом Псковом. Подобные мысли высказал в свое время В. Н. Бернадский. Как отметил исследователь, выводы С. М. Соловьева о том, что Новгород в те годы испытывал радость от княжеских усобиц, отчасти справедливы, но требуют некоторого «ограничения»⁴⁵.

Согласно Псковской I летописи, в 6942 (1434) г. псковичи послали своих послов в Великий Новгород бить «челомъ владыце Еуфимию, и посаднику, и тысящнику, и всему великому Новгугороду... И посжаловаль Богъ, святыи Софии, и посадникъ и тысящник и весь Великии Новьгород челобитье псковское прияша и взяша мир по старине». Мир скрепляли взаимным крестоцелованием: от Пскова целовали крест посадник Селивестр Леонтьевич, сын посадника Степан Родионович и их «дружина»⁴⁶. Псковская II летопись упоминает ее в виде «инех бояръ»⁴⁷. Состав этих бояр, очевидно, приоткрывает Псковская III летопись. Сообщая о возвращении в Псков послов из новгородской поездки, она упоминает в их числе псковских посадников, некого

Ивана Федоровича (тоже псковского посадника или просто боярина) и, опять же, всех посадников Пскова, а также сотских и иных знатных - «добрых» людей⁴⁸. Статус псковских бояр не вполне ясен. Обычно их считали знатными людьми, но В. А. Аракчеев выдвинул предположение об их не аристократической, а чиновной сущности⁴⁹. В качестве аргументов исследователь упоминает известного из Псковской III летописи боярина Андрея Ивановича, попова сына, и фигурировавших в договоре Пскова с Орденом 1509 г. бояр — гостиного и купеческого старост и городских дьяков⁵⁰. Ныне его концепцию поддержал А. Е. Мусин, прибавив, что «действительно», в псковской истории бывали случаи пополнения бояр из числа непривилегированного населения, но соответствующих примеров не привел, вероятно, солидаризируясь с выводами В. А. Аракчеева⁵¹. В тоже время недавно мы показали, что эта гипотеза опирается на очень зыбкие аргументы. Ведь рассмотренные В. А. Аракчеевым источники не дают основание на допущение столь однозначной трактовки, так как в первом случае мог фигурировать не собственно псковский, а служилый великокняжеский боярин с псковского княжеского двора. Не случайно иногда в псковских актах, как, например, в отмеченной самим В. А. Аракчеевым ободной грамоте рубежа XV-XVI вв.⁵², особенно подчеркивалось, что боярин - «псковский», в то время как поповича Андрея Ивановича местный летописец так не выделил. А в договоре с Ливонским орденом, вероятно, упомянуты настоящие бояре, которые просто заняли в государстве все должности, в том числе и купеческих старост. К примеру, новгородские тысяцкие из боярской среды монополизировали торговый суд, который со временем превратился в «суд тысяцкого»⁵³. В этой связи изыскания В. А. Аракчеева все-таки не закрывают вопрос о характере псковской элиты. Более того, даже за пределами Новгородской и Псковской республик в домонгольское время (а в некоторых городах и позднее) помимо княжеских служилых людей, согласно русским и иностранным источникам, была городская вечевая аристократия⁵⁴. В этой связи было бы весьма странным, чтобы в Псковской вечевой республике знать приняла фактически служилый

характер, объединяя должностных лиц.

При этом, согласно Псковской I летописи «а от Новагорода целоваша крестъ Самсонъ посадникъ Ивановичъ, тысящникъ Федоръ Елисеевичъ за весь Великий Новгород и за все пригороды, и за все свои волости к Пскову по старине, месяца июля 24, на память святыи Марии Магдалины»⁵⁵. Заметим, что день Марии Магдалины приходился не на 22 число, и псковская III летопись относит перемирие с участием новгородского тысяцкого именно к этому дню. Кстати говоря, текст Псковской III летописи, несмотря на то, что он дошел в позднем списке, видимо, ближе к старому протографу, о чем свидетельствует более правильная форма титула Федора Елисеевича — тысяцкий, а не тысящник⁵⁶.

Послы задержались в Новгороде до осени, или до начала зимы. Согласно Псковской I и Псковской III летописи, они прибыли в Псков в следующем 6943 г., т. е., после первого сентября, но до начала января, когда в город приехал новгородский архиепископ⁵⁷.

При этом известия обоих источников как бы дополняют друг друга. Если Псковская III летопись, как было сказано выше, частично приоткрывает состав псковского посольства, то Псковская I летопись добавляет, что его сопровождал до Пскова посланный от новгородского владыки сын служилого князя Елисея Копорского:

«Приехаша послы из Новагорода, Антипъ Олексеевъ сын Копорского князя от владыцы Великаго Новгорода и Пскова Еуфимия и от всего Великаго Новагорода. И целоваша псковичи крестъ перенд посломъ новгородцкымъ к Новгороду по старине». Таким образом, когда он прибыл в Псков, псковичи целовали ему крест на мир с Новгородом «по старине»⁵⁸.

Как мы видим, в качестве новгородского владычного посла выступал не собственно новгородский боярин, а потомок служилого князя. А поскольку в Новгороде служилые князья (и их сыновья тоже!) никогда не инкорпорировались в состав местного боярства, то и Антип, безусловно, сохранял свой статус служилого князя. К тому же, надо думать, что у него от

его отца и деда остались какие-то служилые люди белозерского происхождения. Новгородское летописание, сообщая об участии в сражении под Русой 1456 г. отряда князя Гребенки-Шуйского, называет таких служилых людей дворянами⁵⁹.

Впрочем, надо заметить, что дворяне в то время включали в себя как собственно дворян, так и детей боярских. В 1462 г. в Ермолинской летописи в связи с проходящими в Москве казнями сторонников серпуховского князя Василия Ярославича, упоминаются «дети боярские и иные дворяне»⁶⁰.

В Новгороде конца XIV-XV вв. служилые люди также иногда именовались в местном летописании детьми боярскими. Согласно Новгородской IV летописи, в великий пост 6893 (1386) г. (т. е. до 1 марта - М.Н.) «той зимы бысть целование в великий пост по сборе на 2 неделе: целоваше крестъ Федор посадник Тимофеевич, тысячкой Богдан Обакунович, на вечи на княже дворе, и вси боляре, и дети болярские, и житьеи, и черные люди, и вся пять концов, что не зватися к митрополиту, а судить владыке Алексию по праву и по манакануну, а на суд поднати двема истецем по два болярина со стороны и два житья человека; такоже и посаднику и тысячскому судити прав и по целованию»⁶¹. Как мы отмечали прежде, дети боярские не являлись отдельной свободной городской социальной группой, участвовавшей в вечевых собраниях. Речь идет явно о московских великокняжеских людях, специально приглашенных новгородцами, поскольку их нововведение напрямую затрагивало великокняжеские дела. Ведь в тот раз новгородцы, сами выбиравшие собственных архиереев, не подчиняясь воле великокняжеских митрополитов (те всегда беспрепятственно хиротонисали всех новгородских избранников), фактически поставили вопрос о полном выходе из-под юрисдикции митрополита Московского, отказав тому в праве иногда приезжать в Новгородскую землю и проводить судопроизводство. Но поскольку Новгород являлся со времен Александра Невского великокняжеской «отчиной», то запрещая у себя в Новгородской волости святительские суды, новгородцы оповестили проживавших на пригородном княжеском подворье

великокняжеских служилых людей⁶².

Другое дело, что по мнению А. Г. Боброва, это интересующее нас известие Новгородской IV летописи, явно не относящееся к младшей редакции Новгородско-Софийского свода, было вставлено в летопись в 1420-х - начале 1430-х гг., когда новгородцы вновь попытались отменить митрополичьи суды в своей земле⁶³. С этим мнением ныне согласился П. В. Лукин, отметивший, что это удачно вписывается в построения В. А. Кучкина, склонного относить появление термина «дети боярские» к 1430-м гг⁶⁴. Тем не менее, исследователи не обратили внимание на то обстоятельство, что сообщение имеет крайне необычный вид для обычного описания новгородских вечевых собраний, зато напоминает по форме заключаемые на вече «вечные грамоты», публично-правовые акты. Возможно, новгородский хронист при переписке акта допустил в тексте сообщения некоторую редактуру, ведь в новгородских вечевых актах место вечевых собраний всегда называется «Ярославлем двором» - «на вѣце на Ярославли дворе», между тем, как в Новгородской IV летописи написано «на княжи дворе». Вероятно, новгородский летописец этим подчеркнул, что княжьи люди — дети боярские — вынуждены были подчиниться воле новгородцев на территории древнего княжеского двора. (Кстати говоря, этот пример в любом случае наглядно иллюстрирует неспособность проживавших в Новгороде княжеских людей реально влиять на новгородско-княжеские отношения, даже если новгородские вечевые постановления прямо противоречили престижу и интересам великокняжеской власти). Однако в целом летописец вне зависимости от времени составления этого известия явно пользовался подлинным аутентичным актом. Это дает основания датировать появление термина «дети боярские», по крайней мере, второй половиной XIV в. Этот термин тогда употреблялся для обозначения великокняжеских служилых людей. В. А. Кучкин, изучавший термин «дети боярские», верно отметил, что на северо-востоке Руси он прочно закрепляется со второй четверти XV в. А установление времени его первого появления в русских источниках зависит именно от того, к какому времени отнести его упоминания в новгородском

летописании за конец XIV в., считать ли их аутентичными, или наоборот, отнести к поздним вставкам хронистов середины XV в. (Сам исследователь, правда, лишь кратко привел случаи его упоминания в Новгородской I летописи, не анализируя, в каком контексте они не упоминаются, из-за чего в одном из двух упомянутых им примеров допустил ошибку)⁶⁵. Дети боярские были, впрочем, не только у великих князей. Под 1398 г. в Новгородской I летописи они выступают как политически полноправные люди, представители свободной социальной группы: «И биша чолом посадникъ Тимофей Юрьевич, посадникъ Юрьи Дмитриевич, Василии Борисович и бояри, и дети боярскыи и житыи люди и купечкыи дети, и вси их вои: «благослови, господине отче владыко, поискати святей Софеи пригородовъ и волости, или паки изнаидем свою отчину къ святей Софии и к Великому Новугороду, паки ли свои головы положимъ за святую Софею и за своего господина за Великий Новьгород»⁶⁶. В этот раз новгородцы отправлялись войной на свои старинные Двинские земли, совсем недавно перешедшие под власть Московского княжества. Здесь дети боярские указаны в списке новгородских воевод, торжественно просящих у владыки благословение на отправку в военный поход в Двинские земли уже перед самым выходом. Заметим, что они, как и в известии Новгородской IV летописи за 1386 г., указаны после бояр, но перед житыми. В данном случае это не могут быть, к примеру, сыновья новгородских бояр (хотя такое значение этого термина в новгородском летописании тоже есть)⁶⁷, ибо они располагали правом участия в общественной жизни. Но едва ли, впрочем, это были представители боярских дружин, жившие на боярских землях⁶⁸ и не относящиеся ни к боярам, ни к житым, ни к незнатным «молодым» людям. Если бы в Новгороде была такая особая свободная категория городского населения, она, надо полагать, была бы упомянута в одном из новгородских актов в числе новгородских вечников, между боярами и житыми как, к примеру, в некоторых актах отдельно после собственно купцов упоминаются те же дети купеческие — низшая прослойка купцов. Но в отличие от последних, с детьми боярскими этого не наблюдается.

А участвовавшие иногда с боярами в военных походах боевые холопы - «холопы сбои» - на вече не участвовали и едва ли могли быть когда-либо удостоены чести призывать самого новгородского архиепископа благословить войско в серьезный военный поход. Вероятно, однако, речь идет о княжеских детях боярских, служилых людях новгородских служилых князей, например, «Копорейского» из рода Белозерских князей или литовского, людей которого могли на русский лад назвать детьми боярскими (как иногда в новгородско-немецких договорах новгородцы именовали ганзейских должностных лиц посадниками).

К мысли о том, что дети боярские здесь именно служилые люди, то есть особая категория профессиональных воинов, склоняет и тот факт, что именно им, а не массе новгородцев, было поручено осуществить главную цель всего похода — отбить у Москвы новгородское Заволочье, тогда как новгородцы ограничились грабежом давно тянувшихся к Москве земель Русского Севера. Другое дело, что сам служилый князь, вероятно, не поехал с ними, и они шли под началом новгородских воевод. Согласно Новгородской I летописи: «И в то время воеводы послаша Дмитрия Ивановича, Ивана Богдановича, а с ними дети боярские»⁶⁹.

Под 1445 г. Новгородское летописание среди павших в новгородском походе на Югру упоминает помимо «добрых» (знатных) и «удалых» людей, «детей боярских»⁷⁰. Не исключено, что речь идет о таких же служилых людях новгородских служилых князей, что и в 1398 г. По-видимому, их численность у новгородских служилых князей составляла несколько сотен (это можно видеть по наличию 300 дворян у Александра Чарторыйского, безземельного князя, служившего в Новгороде и в Пскове). У Антипа Елисеевича, сына князя Копорского, их оставалось, вероятно, меньше (значительная часть, надо думать, полегла в бою вместе с его родственником Иваном Копорским в 1394 г. и неизвестно, пришли ли им на смену сыновья, или иные дворяне). Но статус потомственного служилого князя, обладавшего некоторым числом профессиональных служилых воинов - «дворян», «детей боярских», конечно,

для псковичей имел значение.

Едва ли случайно владыка Евфимий II отрядил именно такого посла. Он, надо думать, тем самым намекал, что в случае дальнейших конфликтов новгородцы выставят против Пскова качественное войско. Опасался новых разногласий с псковичами, как выяснилось, архиепископ не зря: когда в январе 1435 г. он прибыл в Псков, псковичи не дали ему поставить у себя церковного наместника по своему усмотрению.

В начале осени 1435 г. тысяцкий Федор Елисеевич уже временно оставил должность. В надписи на серебряном панагиаре новгородской Софийской ризницы указано, что 14 сентября того г. он был сделан при другом тысяцком Дмитрие Васильевиче⁷¹.

Но уже зимой 1435/1436 гг., согласно новгородскому летописанию, Федор Елисеевич снова стал тысяцким, и более того, одним из воевод в походе новгородцев на Ржеву: «Ездиша воеводы новгородчкьи в зиме: посадник новгородчкои Иван Васильевиц, и посадник Григории Кюрилович, и тысячкой Федор Олисиевич, Есиф Васильевиц, Онанья Семенович, Остафеи Есифович, и бояри новгородский и новгородчов много, а с рушаны Федор Остафьев, Михаила Буйносов и порховице; и идоша триима путми, и казниша ржевиц, и села вся пожгоша по Ръжеве, по плесковьскыи рубеж (и на Бардове), божию помощью приидоша в Новьгород вси здрави и с полоном»⁷². Ржева, или Ржева Пустая, находилась в нынешней Псковской области, по одной из версий, недалеко от Новоржева, к той же области ныне относится и Бардово. Причины этого карательного похода на приграничный новгородский пригород в новгородском летописании не изложены. Их объясняют псковские летописи: ржевичи не заплатили новгородцам положенной дани. Вот те и собрали рать их проучить. При этом, согласно псковским летописям, «тогда же» новгородцы пограбили и другой свой южный приграничный пригород - Великие Луки (ныне одноименный город в Псковской области)⁷³. Но поход на Луки, видимо, имел меньшее значение, чем на Ржеву, хотя, согласно прямому свидетельству Псковской II летописи, был вызван теми же причинами: этот окраинный город

тоже с точки зрения новгородцев не уплатил налоги. Как мы видим, тысяцкий указан в качестве одного из воевод, хотя и не первым. Но в отличие от других русских земель, где тысяцкий назначался из дружинной среды и руководил городским ополчением, новгородский, избираемый из среды местного боярства, далеко не всегда был воеводой. В новгородском летописании, кроме вышеописанного случая, известно лишь 3 примера, когда тысяцкий был одним из воевод, да и то, впереди него значились всегда другие военачальники.

Так, в 1293 г. «посла великий князь Андрей князя Романа Глебовича и Юрья Мишинича, Андреяна тысяцкого, в мале новгородцов к городу свеискому», а в 1352 г. «ходиша новгородци воевать на Немечкую землю, с Борисовым сыном с наместником, с тысячым с Иваном с Федоровичем, с воеводами с Михаилом с Даниловичем, с Юрьем с Ивановичем, с Яковом с Хотовым, и приидоша к городу к Выбору»⁷⁴. Причем второй сюжет весьма любопытен — сын наместника и тысяцкий противопоставлены «воеводам»! Видимо, они, имея в городе определенный авторитет, осуществляли общее руководство, но при этом полагались на профессиональные навыки других полководцев, чьи воеводские способности ставились выше. Но это уникальный случай, особо выделенный летописцем, в остальных случаях лица, указанные в главе воинства, и были воеводами. По мнению М. Г. Рабиновича, тысяцкий иногда мог выступать в качестве воеводы одного из новгородских концов. Однако подсчеты исследователя противоречат данным привлеченных им летописных известий⁷⁵. Наконец, в 1456 г. в отряде Гребенки-Шуйского среди воевод после посадников в новгородском летописании указано имя тысяцкого Василия Пантелеевича⁷⁶. Но этот человек в время боя не стоял и не сражался в первых рядах.

В утренние часы 3 февраля 1456 г. сравнительно малочисленное русско-татарское войско заманило новгородскую конницу в ловушку, и последняя оказалась зажата в тупике у пригородных сельскохозяйственных угодий, будучи не в силах преодолеть на конях плетень и сугробы, и, вдобавок, потеряла бдительность, увлекшись снятием доспехов с убитых недругов. А засадный

московско-татарский отряд неожиданно налетел с поля, окружил сзади и сбоку застрявших и потерявших бдительность новгородцев и подстрелил под ними коней⁷⁷. Новгородцы вскоре оказались наголову разбиты, часть из них погибла, включая боярина Есифа Носа и сына одного из городских посадников Афанасия Богдановича, некоторые бояре попали в плен. Но тысяцкий сохранил в таком жестоком побоище и жизнь, и свободу, и вскоре в конце февраля подписывал с Иваном III Яжелбицкий мир⁷⁸.

Что касается тысяцкого Федора Елисеевича, то сложно сказать, как он воевал зимой 1435/1436 г. Эта кампания явно носила характер карательного похода: собрав ополчения пригорожан — рушан и порховчан — новгородцы учинили расправу над ржевичами, устроили по ее округе тотальный грабеж, разорили все ржевские села, а местное население брали в полон. Новгородцев, согласно летописи, собралось в поход много - как бояр, так и горожан вообще, разных слоев свободного городского населения. Следовательно, едва ли их было менее десяти тысяч. Кроме того, к ним примкнуло два пригородных отряда из некрупного города Порхова и сравнительно большого новгородского пригорода — Русы. И хотя новгородский книжник с гордостью уверяет, что с Божьей помощью пришли все здравы (что, впрочем, в летописях обычный литературный оборот, означающий разве что сравнительно малое число жертв), Ржева Пустая, в отличие от Русы, не входила в число крупнейших новгородских пригородов, и поход на нее новгородцев с пригорожанами однозначно сулил для ее жителей расправу.

Согласно данным Новороссийского списка Новгородской IV летописи, в походе на Ржеву участвовали и владычные «молотцы»⁷⁹ (в источнике они упомянуты после рушан, поэтому не исключено, что они следовали с ними, а не с прочими новгородцами). Их исследователи справедливо относят к владычному полку⁸⁰.

Согласно интересному наблюдению Д. А. Селиверстова, впервые владычный полк упоминается еще в вышеуказанном известии новгородского летописания за 1398 г., когда владыка благословляет идти на войну сперва

«детей своих», потом уже «воевод» и «воев»⁸¹. Эту категорию владычных «детей» исследователь считает владычным полком. Правда, в устной беседе А. В. Быков высказал иное мнение, что это обобщенное церковное наименование всего войска – «воев» и «воевод» («дети мои» – и вои, и воеводы). В всяком случае, в XV в. владычные «молодцы», «люди» неоднократно упоминаются в новгородских источниках, как участники боевых действий, в мирное время несущие службу в качестве охраны архиереев, к примеру, в время поездок на Двину, а также на владычном дворе, где для них была в 1451 г. по приказу владыки Евфимия II построена чашня⁸². Любопытно, что среди новгородских бояр, попавших в плен в время Шелонской битвы, был казненный затем Иваном III владычный чашник Еремей, которого, согласно Новгородской IV летописи, был предан казни наряду с некоторыми другими новгородскими «боярами»⁸³. Московский великокняжеский свод 1472 г. и Типографская летопись не упоминают о должности этого человека на службе у владыки, но также относят Еремея к новгородской элите – «посадникам» (так в Москве того времени иногда именовали и новгородских бояр вообще)⁸⁴. По предположению А. В. Быкова и О. В. Кузьминой, владычный стяг на Шелони состоял из незнатных людей, хотя О. В. Кузьмина считает, что бояре туда тоже входили в главе своих «дружин»⁸⁵. Однако социальная структура двора раскрывается в новгородской летописной повести о московско-новгородской войне 1471 г. Там сказано, что это «большие» люди — бояре. В этой повести владычная конница - «конева рать», состоящая из части новгородских бояр (вроде упомянутого в том же источнике чашника Еремея), представляет собой, видимо, немногочисленную, но значимую боевую силу, на помощь которой очень рассчитывали остальные новгородцы: «И новгородци изыдоша противу себе на Шалону, а к Русе послаша новгородци судовую рать, и пеши бишися много, и побиша москвич много; и пешей рати паде много, а инии разбегошася, а иных москвичи поимаша; а коневаа рать не пошла к пешей рати на срок в пособие, занеже владычнь стягъ не хотяху ударитися на княжю рать, глаголюще: «Владыка нам не велел на великого князя руки подынути, послалъ нас владыка на пскович».

И начаша новгородци вопити на больших людей, которые приехали ратью на Шолону. «Ударимся ныне», каждо глаголюще: «Язь человекъ молодой, испротеряхся конемъ и доспехом»⁸⁶.

Из этого отрывка оказывается не вполне ясным, куда именно в срок не поспела «на пособие» коневая рать — под Русу (на встречу с новгородской судовой ратью), или на Шелонь. В историографии на этот счет высказывались разные мнения. Пожалуй, более логичный все-таки нам кажется первый вариант прочтения, предложенный еще Н. М. Карамзиным⁸⁷, который писал о том, что владычная конница должна была встретиться с судовой ратью (правда, историк почему-то связывал это с первым судовым отрядом, высадившимся у Коростыни, а не со второй ратью на судах, прибывшей в Русу). Современные историки, наоборот, высказывались в пользу второго варианта, что рать опоздала на Шелонь и уже там выказала нежелание биться с москвичами, ссылаясь на то, что ее послали биться с псковичами⁸⁸. Правомочность такого прочтения тоже не следует исключать. Но в любом случае, на Шелони «новгородцы» - стали «вопити» на «больших людей» владычной конницы, что, мол, давайте «ударимся» на москвичей ныне. И каждый говорил, мол, он, «молодой», доспехом и конем «испротеряхся»⁸⁹. Насколько владычный полк последовал требованию остальных ратников, сказать сложно. Пленение владычного чашника наряду с рядом других бояр, видимо, означало, что тот сражался вместе со многими иными знатными, богатыми и хорошо экипированными новгородцами в первых рядах.

Но по независимому свидетельству московского великокняжеского летописца, новгородцы, даже убегая от москвичей, кололи друг друга. Не исключено, что «новгородцы», разговаривавшие с «большими» людьми из владычной конницы на повышенных тонах перед боем, оставались решительно ими недовольны после поражения, что вылилось в потасовку, разгоравшуюся даже в время бегства от москвичей⁹⁰. Таким образом, из новгородского источника видно, что владычная коневая рать считалась в Новгороде в XV в. достаточно серьезной силой, без которой прочие ополченцы не желали идти в

бой с москвичами. Конечно, стоит учесть, что новгородская летописная повесть в многом отражает позицию тогдашнего владыки Феофила, не являвшегося сторонником и ставленником литовской партии. С одной стороны, в летописном рассказе горячо осуждается «предатель Новгорода» Упадыш, но с другой стороны, хронист относится с явным пониманием к тем новгородцам, которым не нужна была война с великим князем, обвинявшим знатных людей литовской партии в том, что те своей пролитовской политикой довели Новгород до военного разрыва с Москвой⁹¹. Поэтому архиепископ мог несколько преувеличить значение своей гвардии. Тем не менее, можно сделать вывод, что ее участие в войне достаточно высоко ценилось, иначе бы новгородский хронист едва ли стал бы сочинять заведомо глупый сюжет. К тому же, владычная конница в сравнении с прочими ополченцами, по сути дела, представляла собой профессиональное конное воинство, которое, в отличие от своих земляков, несло военную службу даже в мирное время. И это тоже не могло не выделять ее в глазах иных новгородцев.

Еще в 1462 г., когда шведы из Выборга двинулись войной на новгородский город Орешек, их там, согласно новгородскому летописанию, помимо «сельников» ореховских ждали князь Гребенка-Шуйский, а с ним обычные новгородские бояре, «люди старейшие», а также «люди владычные»⁹². Это не означает неучастия в военном походе небоярских слоев (в летописи, к примеру, не оговаривается и присутствие дворян Гребенки-Шуйского, хотя те, надо думать, как всегда поехали на войну с ним). Но обеспеченные, наиболее добротнo снаряженные бояре, обычные и владычные, видимо, должны были вместе с новгородским предводителем - служилым князем Гребенкой-Шуйским сыграть ведущую роль в обороне истока Невы от выборгских рыцарей.

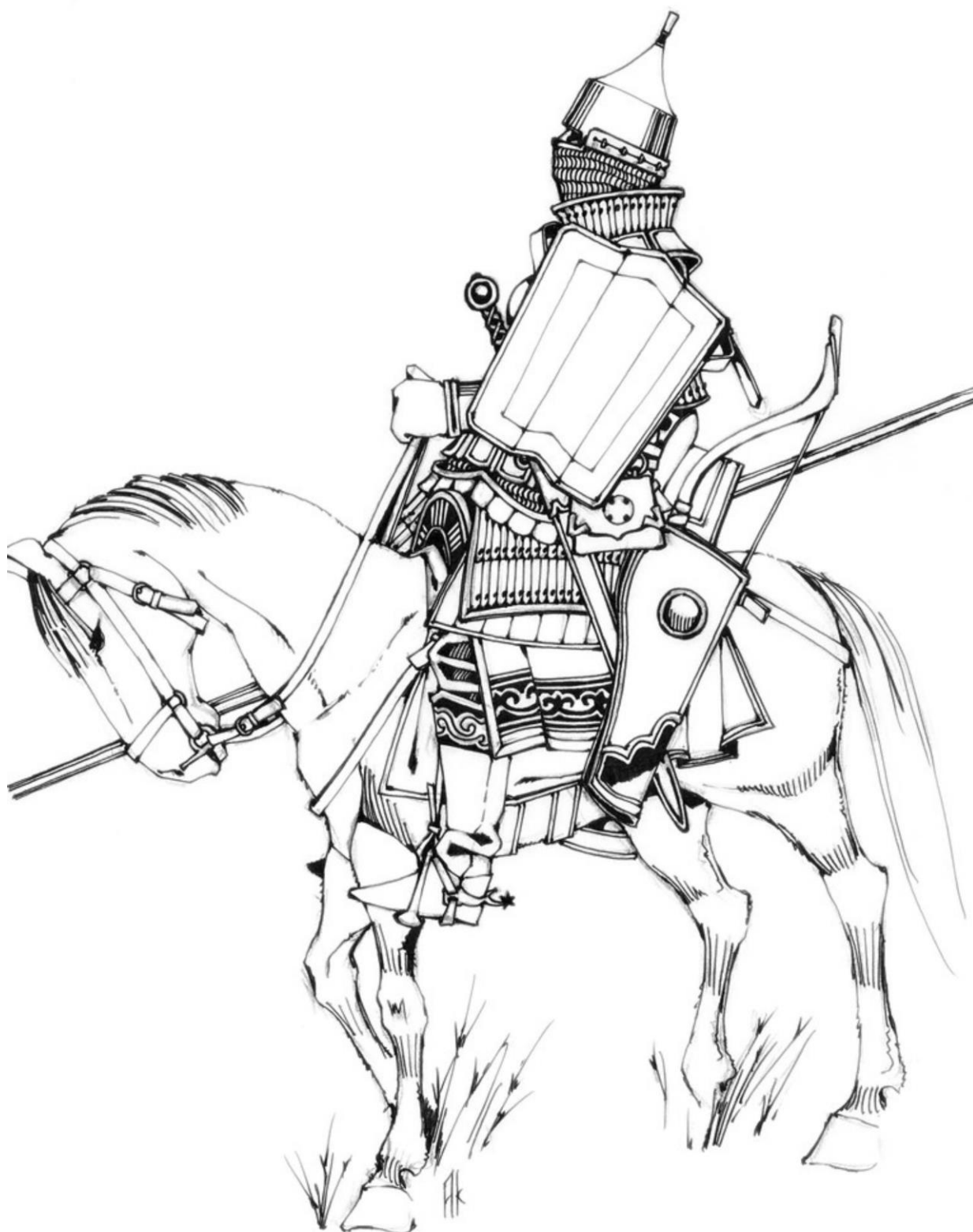
Не исключено, что в XV в. у новгородских бояр, как из владычной рати, так и у прочих, стала проявляться заметная тенденция к выделению в особое элитарное воинство, вроде литовского шляхетского, которое постепенно вытеснило более пестрое в социальном отношении ополчение. Может быть, отчасти по этой причине в новгородском летописном известии о походе на

Ржеву в 1445/36 гг. и обычные «бояри» и владычные «молотцы» выделены из числа ополченцев, несмотря на то, что их участие и так подразумевалось в числе «новгородчов». Да и само зарождение элитарной профессиональной архиепископской гвардии тоже отражало не только увеличение престижа архиерейской власти, но и возрастание роли бояр в городском ополчении. Но так как Новгородская республика пала уже в 1478 г. в результате московского завоевания, то этот процесс не успел сильно развиваться, так как до этого времени в Новгороде по-прежнему сохранялся вечевой уклад и неразрывно связанный с ним общегородской характер ополчения. Плотники и гончары, формально сохранявшие прав участия в управлении государством, не могли быть отлучены от участия в его защите в пользу элиты.

В Западной и Северной Европе замещение ополчений на феодальное войско также произошло после затухания тагов и тингов. Да и служилое войско на северо-востоке Руси стало, по-видимому, воевать без частой помощи городских ополченцев тоже после прекращения местных вечевых традиций. Кстати, новгородская владычная рать в некотором отношении напоминала кавалергардов XIX-начала XX вв., ведь она тоже являлась одновременно личной охраной правителей в Новгороде (правда, не мирских, а духовных) и при этом сильным, хорошо вооруженным военным подразделением, игравшем видную роль в боях (как и имперские кавалергарды в известнейших сражениях XIX в. при Аустерлице, Бородинской битве и в Крымской кампании).

Поэтому упомянутые в походе на Ржеву владычные молодцы — это хорошо вооруженная владычная рать, состоящая из бояр, которая имела большую ценность в новгородском воинстве.

Согласно новгородскому летописанию, отряды на Ржеву шли тремя путями. Не вполне ясно, что здесь имеется в виду. Вероятно, они должны были идти тремя дорогами из Новгорода, Русы и Порхова и встретиться неподалеку от Ржевы (или как вариант – новгородцы и жители Порхова двигались на Ржеву, а рушанам было велено идти на юг к Лукам, до которых от Русы ближе). Но может быть, здесь, наоборот, имелось в виду, что в их задачу входило нападение на ржевскую округу (а может быть, и на саму Ржеву) с трех сторон. И отряды разделялись уже неподалеку от цели своего похода – Ржевы.

Новгородский боярин XV в.

Рис. Красникова А.В., 2015 г.

Оба эти метода имели место в новгородской военной практике XV в. Например, как было сказано выше, в бой под Русу 2 февраля 1456 г. в сторону Взвода с некоторым промежутком в времени выступили два конных отряда. Но второй отряд должен был прибыть к первому в Взвод на ночлег.

Между тем новгородцы иногда умели нападать с нескольких сторон. И делали это не только в XIII в. под руководством князя. К примеру, летом 1471 г. они выслали через Ильмень на встречу московским войскам две судовые рати. Одна напала на расположенный на берегу озера Ильмень московский лагерь у Коростыни, другая — более многочисленная - высадилась неподалеку в Русе (которую недавно взяли и разорили эти московские полки)⁹³. Действия обеих ратей, очевидно, были хорошо согласованы: после победы на Коростыни над первой, москвичи поспешили обратно в Русу, поспев к самому прибытию второго судового десанта⁹⁴. Информацию о нем, надо полагать, они получили на Коростыни от пленных.

Поэтому нам кажется, что в 1435/1436 гг. новгородцы могли действовать по любому из этих двух вариантов.

После описания похода на Ржеву Федор Елисеевич больше на должности тысяцкого не упомянут. В новгородских актах июля 1436 г. значится уже имя другого степенного тысяцкого, Федора Яковлевича⁹⁵. Но, уступив степень другому новгородскому боярину, Федор Елисеевич оставался уважаемым в городе человеком и в 1440-х гг. он фигурирует в актах в качестве обладателя высшего светского поста в Новгороде – посадничества. Дата его смерти, равно как и рождения, неизвестны.

¹ См. напр: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1990. — С. 24-47.

Янин В.Л. Тысяцкие // Великий Новгород: энциклопедический словарь. — В. Новгород, 2007. — С. 458-459.

² Мартышин О.В. Вольный Новгород, — М., 1992. — С 199-209.

³ Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть II. Тысяцкое с середины XIV до второй четверти XV века (вторая часть Списка В) // Новгородский исторический сборник (далее — НИС). — М.; СПб., 2011. Вып. 12 (22). — С. 37-62.

Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Часть III. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости (Дополнение к Списку В) // НИС. — СПб., 2013. — Вып 13 (23). — С. 115-150.

⁴ Несин М.А. Новгородские тысяцкие в 1410-20 гг. // Историческая социально — образовательная мысль. — Краснодар, 2014. — Вып. № 6. — С. 129-131.

Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков — архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. — Вып. № 14. — С. 6-12

Несин М.А. Новгородские тысяцкие в последние десятилетия новгородской независимости (нач. XV в.-1478) // Новгородика 2015. В печати.

⁵ Северинов В.Д. Новгород в период посадничества Михалки Степановича // Прошлое Новгорода и Новгородской земли (далее — ПННЗ). 1997 г. — В. Новгород, 1998. — С. 46-51.

⁶ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 156.

⁷ Янин В.Л. Средневековый Новгород. — М., 2004. — С. 275-285.

⁸ Несин М.А. Новгородские тысяцкие в XIV веке // Вестник УДГУ — Ижевск, 2014. — Вып № 3. — С. 145-147.

Несин М.А. Развитие института новгородских тысяцких в XIV-XV вв. по данным новгородских письменных источников // Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблема сохранения и научного использования: материалы 14 научной конференции историков — архивистов 22 мая 2014 г. — В. Новгород, 2015. — Вып. № 14 — С. 7-8.

⁹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова (Далее ГВНП). — М., Л., 1949. — №№70 — 71. — С. 108-109.

¹⁰ Псковские летописи. — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 53.

¹¹ ГВНП. — М., Л., 1949. — № 171 — С. 111.

Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — М., Л., 1949.— С. 378.

¹² ГВНП. — М., Л., 1949. — № 19. — С. 38.

О датировке см: Бассалыго Л.А. Несколько сюжетов из книги В.Л. Янина «Новгородские акты XIV-XV вв. // НИС. — СПб., 2010. — Вып. № 10(20). — С. 32-34.

-
- ¹³ Обоснования датировки см: Янин В.Л. Новгородские акты XII-XV вв. Хронологический комментарий. — М., 1990. — С. 109-110.
- ¹⁴ ГВНП. — М., Л., 1949. — № 64. — С. 107-108.
- ¹⁵ Казакова Н.А. Из истории сношения Новгорода с Ганзой в XV в. // Исторические Записки. — М., 2009. — Вып. № 28. — С. 128-130.
- ¹⁶ Hanserecesse von 1431 -1476. — Leipzig., 1876. — Vol. 1. — № 217, — S. 146-147.
- ¹⁷ Рыбина Е.А. Новгород и Ганза. — М., 2009. — С. 102.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Гильдебранд Г. Отчеты о розысканиях, произведенных в Рижском и Ревельском архивах. — СПб., 1870. — № 140. — С. 42.
- ²⁰ Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. — М., 2009. — С. 102.
- ²¹ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). — М., 2000. — Т. 3. — С. 447.
- ²² Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 42.
- ²³ См. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 447.
- ²⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч.1. — С. 457, 607.
- ²⁵ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 103.
<http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- ²⁶ См. напр: Алексеев Ю.Г. Победа на Шелони // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В.А. Кучкина — М., 2005. — С. 286.
Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 112.
- ²⁷ Быков А.В. Новгородское войско XI-XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис. — С. 242. Выражаю благодарность автору за предоставления материала. Кроме того, исследователь не совсем точно называет этих более состоятельных конников вятскими, хотя как раз так в Новгороде именовали бояр (ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 80, 308). Иногда упоминались вятские купцы, но именно купцы, а не просто вятские люди, как часто назывались знатные новгородцы.
- ²⁸ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 156.
- ²⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3.— С. 446.
- ³⁰ Андреев В.Ф. Северный страж Руси. — Л., 1989. — С. 127.
- ³¹ Великий Новгород в иностранных сочинениях XV-начала XX века. — М., 2006. — С. 25-26.
- ³² О достоверности летописных оценок численности новгородских и московско-татарских сил см.: Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 133, 144. <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)
Ср: Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Журнал «Воин» — 2008. — Вып. № 6. — С. 8-20.

- ³³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194-195
Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 101-102.
<http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ О достоверности летописных сведений о численности московских войск см: Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С. 120.
Несин М.А Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 470-473.
<<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
- ³⁶ Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 464.
<<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).
Несин М.А. К истории сражения новгородцев с москвичами на реке Шеленге 27 июля 1471 г. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. VI. — С. 46-68.
<http://www.milhist.info/2014/12/12/nesin_2> (12.12.2014).
- ³⁷ Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III. — СПб., 2009. — С.119.
- ³⁸ ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.
ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.
- ³⁹ Зимин. А.А. Витязь на распутье. — М., 1990. — С. 64.
- ⁴⁰ См. напр: Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 42.
ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 471.
- ⁴¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 418.
- ⁴² Подобная трактовка нами уже в более краткой форме высказалась при описании отношения Новгорода с Василием II (Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 133, 144.
<http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015)).
- ⁴³ Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства в времена удельно — вечевого уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). — М., 1994. — С. 102.
- ⁴⁴ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2. — С. 43, 44, 127.
- ⁴⁵ Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. — Л., 1961. — С. 188.
- ⁴⁶ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 53.
- ⁴⁷ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2 — С. 45.
- ⁴⁸ Там же. — С. 130.
- ⁴⁹ Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество и повседневная жизнь в XV-XVII вв. — Псков, 2004. — С. 54-57.

⁵⁰ Там же. — С. 55-56.

⁵¹ Мусин А.Е. Церковь и горожане Средневекового Пскова: историко — археологическое исследование — СПб., 2010. — С. 73.

⁵² Аракчеев В.А. Средневековый Псков: власть, общество и повседневная жизнь в XV-XVII вв. — Псков, 2004. — С. 55.

⁵³ Несин М.А. Купечество веча Новогодского XII-XV вв. по данным письменных источников //Документальное наследие Новгородского и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования. — В. Новгород, 2012. — Вып. №11. — С.185 — Прим. 34.

⁵⁴ См. напр: про Киев в конце X в., Галич в XII-XIII вв, и Смоленск в XII-XV вв: Несин М.А. Галицкое вече в событиях 1187–1188 г. // Русин: Международный исторический журнал. — Кишинев, 2009. — Вып. № 3 (17). — С. 35-36.

Несин М.А. Галицкое вече при Ярославе Осмомысле // Русин. — Кишинев, 2010. — Вып. № 1 (19). — С.79, 93-94. — Прим. 70.

Несин М.А. К истории происхождения Галича // Русин. — Кишинев, 2010. — Вып. № 3 (21). — С. 66.

Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1205–1229 гг. // Русин. — Кишинев, 2011. — Вып. № 2 (24). — С. 9-10.

Несин М.А. Галицкое вече и Даниил Галицкий в 1235-1240-х гг. // Русин. — Кишинев, 2012. — Вып. № 4 (30). — С. 93, 97.

Несин М.А. Некоторые черты социальной трансформации и в X-XI вв. в восточнославянском обществе в летописной социальной терминологии // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения профессора М.М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б.Г. Плющевского. Ижевск, 20-21 ноября 2012 г. / отв. ред. и сост. В.В. Пузанов. — Ижевск, 2012. — С.43.

Несин М.А. Галицкое вече и Роман Галицкий // Русин. — 2013. — Вып. № 2 (32). — С. 33–34.

Несин М.А. Борьба за Смоленск в XV веке [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск IV. Смоленские войны XV — XVII вв. — Ч. I. — С. 8-9. <http://www.milhist.info/2015/02/20/nesin_3> (20.02.2015).

⁵⁵ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 45.

⁵⁶ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2 — С. 130.

⁵⁷ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 45.

Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 2 — С. 130.

⁵⁸ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. № 1 — С. 45.

⁵⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194-196.

⁶⁰ ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 156.

⁶¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 342.

⁶² Несин М. А. Социальная организация Новгородского веча //ПННЗ: материалы

научной конференции 17 — 18 ноября 2011 / составитель В.Ф. Андреев. — В. Новгород, 2013. — С. 72-87.

⁶³ Бобров А.Г. Новгородские летописи XV в. — СПб., 2001. — С. 176-177.

⁶⁴ Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 319.

⁶⁵ Кучкин В.А. О термине «дети боярские» в «Задонщине» // Труды Отдела древнерусской литературы. — СПб., 1997. — Т. 50. — С. 358.

Он отнес к служилым детям боярским упомянутых в Новгородской I летописи под 1387 г. сыновей новгородских бояр, к которым относился и «сын посадничий» Юрий Дмитриевич, упомянутый в связи с теми же событиями в Новгородской IV летописи (ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 347).

⁶⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 392.

⁶⁷ Например, под 1387 г. в Новгородской IV летописи, ставший к 1398 г. посадником Юрий Дмитриевич упомянут в качестве сына посадничьего с «иными детьми боярскими» (ПСРЛ – М., 2000. – Т. 4. Ч. 1. — С. 347).

⁶⁸ Селиверстов Д.А. Русский Азенкур // Журнал «Воин» — 2008. — Вып № 6. — С. 11.

⁶⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 392.

⁷⁰ Там же. — С. 395.

⁷¹ Орлов А.С. Библиография русских надписей XI–XV вв. — М., Л., 1952. — № 216. — С. 131.

См. уточнение датировки: Янин В.Л. Новгородские посадники — М., 2003. — С. 53.

⁷² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 417-418.

⁷³ Псковские летописи — М., 1955. — Вып. 2. — С.46, 130.

⁷⁴ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 340, 361.

⁷⁵ Рабинович М.Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII-XV вв. // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. — М., 1949. — Вып. № 30. — С. 54-61.

См: Быков А.В. Новгородское войско XI-XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис. — С. 108-110.

⁷⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194.

⁷⁷ Несин М.А. Сражение под Русой 3 февраля 1456 г.: место боя и тактика московских войск. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. V. — С. 104. <http://www.milhist.info/2014/06/18/nesin_1> (18.06.2014).

⁷⁸ ГВНП. — М., Л., 1949. — № 24. — С.34.

⁷⁹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 452

⁸⁰ Быков А.В. Новгородское войско XI-XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис. — С. 88.

Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 111.

⁸¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3.— С. 392.

Селиверстов Д.А. Русь и Орда. Рубеж XIV-XV веков. Военно-политическое положение в Восточной Европе в конце XIV века [Электронный ресурс] //

История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480. — 2015. — Ч. I. — С. 56.
<http://www.milhist.info/2015/07/17/seliverstov_1> (17.07.2015).

⁸² Быков А.В. Новгородское войско XI — XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис. — С. 88.

Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 111.

⁸³ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447.

⁸⁴ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 192.

В составленных позднее, на рубеже XV-XVI вв. «Словесах избранных» Еремей, наоборот, назван житым, но это, надо полагать, ошибка (см. напр.: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 510). Вообще, в этом памятнике много путаницы: здесь можно найти совершенно недостоверные сведения о какой-то судовой рати на р. Шелонь (там же. — С. 508-509). Странно было бы, если бы автор этого позднего и несколько путаного рассказа был лучше современников, включая новгородского владычного летописца, осведомлен о социальном статусе архиепископского чашника. Новгородской республики с ее необычной для Московского княжества элитой ко времени составления «Словес» уже не существовало. Выселенных новгородских бояр, живших в Новгородской земле, замещали среднерусские служилые люди. Видимо, составитель повести толком в новгородской терминологии не разобрался: Боярин Еремей, в отличие от казненного вместе с ним Дмитрия Борецкого, наряду с иными новгородскими боярами условно названный в современных среднерусских летописях посадником, не был известен как подлинный обладатель посаднического титула. Именно поэтому автор более поздних «Словес», вероятно, и поместил его в разряд «житых».

⁸⁵ Быков А.В. Новгородское войско XI-XV вв. — В. Новгород, 2006. — кан. дис. — С. 88.

Кузьмина О.В. Республика Святой Софии. — М., 2008. — С. 111.

⁸⁶ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 446.

⁸⁷ Карамзин М.Н. История государства Российского. — М., 2003. — С. 466.

⁸⁸ Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 12.

Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III — СПб., 2009. — С. 119.

⁸⁹ Ныне А.В. Быков в устной беседе высказал мысль, что это надо понимать следующим образом: простые - «молодые» - люди потратили существенную часть своего скромного бюджета на боевое снаряжение и опасались, что бояре теперь заключат с москвичами мир, и их финансовые затраты на коня и доспех окажутся напрасными. Но совершенно не ясно, как один владычный полк мог пойти против всего большого войска и вопреки его воле добиться перемирия с москвичами. В то же время нетрудно заметить, что исследователь во многом следует распространенной трактовке этого сюжета, как межсословной распри между «большими» и «меньшими» новгородцами, которую историки обычно

выдвигали в качестве аксиомы (см. напр.: Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. — М., 1994. — С. 12.; Алексеев Ю.Г. Походы русских войск при Иване III — СПб., 2009.— С. 119.; Лукин П.В. Новгородское вече. — М., 2014. — С. 335). Высказывались, впрочем, и иные взгляды. Еще Н.М. Карамзин рассматривал данный эпизод с позиции разногласий между разными новгородскими полками (Карамзин М.Н. История государства Российского. — М., 2003. — С. 466). Однако, как видно при внимательном прочтении известия летописи, на бояр владычного полка «вопили» вовсе не одни «молодые люди», а все «новгородцы» в целом, в том числе и часть бояр. К последним следует отнести воевод посадников Дмитрия Борецкого и Василия Казимира, в этот владычный полк не входивших. Поэтому образно приписываемые летописцем «каждому» из «новгородцев» слова: «язь человек молодой» являются некоторой метафорой (Несин М.А. Новгород 1470-х гг.: соотношение Внешнеполитических исканий с преданностью родной «старине» // Новгородика. 2010. — В. Новгород, 2011. — Ч. 1. — С. 216.; Несин М.А. Воевода Федор Васильевич Басенок [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Т. VII. — С. 167. — Прим. № 143 <http://www.milhist.info/2015/08/28/nesin_4> (28.08.2015). Однако кони и доспехи значительной части новгородцев, вероятно, действительно невыгодно отличались от московских, более актуальных для кавалерийского маневренного боя, и поэтому новгородцы очень надеялись на активную помощь своих наиболее качественно вооруженных сограждан из профессиональной владычной конницы (Шиндлер О.В. Смена доспешной моды на Руси в второй половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2015. — Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480-2015. — Ч. I. — С. 80 <http://www.milhist.info/2015/08/18/schindler_2> (18.08.2015)) Тем более, что войско новгородцев, действительно, в основном состояло из незнатных людей, многие из которых были вооружены сравнительно бедно. И в этой связи активное участие в бою с профессиональной служилой московской конницей относительно хорошо вооруженных и экипированных конных новгородских бояр имело очень важное значение. Тем более, что владычная «коневая рать» по сравнению с другими новгородскими ополченцами сама представляла собой профессиональное конное войско, и уже на этом основании те могли очень надеяться на ее активную помощь. (Что касается служилого князя Гребенки-Шуйского, то он был в то время в Двинской земле, где вскоре принял бой с судовой ратью других московских воевод. Поэтому среди попавших в плен на Шелони новгородских ратников не значилось ни одного служилого человека).

⁹⁰ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 238.

ПСРЛ. — Л., 1962. — Т. 27. — С. 133.

Несин М.А. Шелонская битва 14 июля 1471 г.: к вопросу о тактике московских войск и участии засадной татарской рати [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2014. — Т. IV. — С. 471. <<http://www.milhist.info/2014/03/12/nesin>> (12.03.2014).

⁹¹ ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 447-448.

⁹² ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 210.

⁹³ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 236-237.

Сведения о первой судовой рати, у Коростыни, есть также в «Словесах избранных» (см. напр: ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 507-508) А вторая, под Русой, упоминается в новгородском летописном рассказе (там же. — С. 446). См. также: Несин М.А. Битва между московскими полками и новгородской судовой ратью у села Коростынь летом 1471 года (топографический комментарий) // Новгородика — 2008. Вечевая республика в истории России: материалы Международной научно — практической конференции 21-23 сентября 2008 г. — В. Новгород, — 2009. — Ч. 1. — С. 189-190.

⁹⁴ ПСРЛ. — Л., 1959. — Т. 26. — С. 237.

⁹⁵ ГВНП. — М., Л., 1949. — №№ 66 — 67. — С. 102-104.